

Независимо от того, в каком состоянии находится человек, время неумолимо движется вперед, увлекая его за собой, хочет он того или нет. Как же это удивительно и вместе с тем жестоко...

А я, как же мне хочется, чтобы время замерло семь лет назад, в триста седьмой комнате отеля Лайли, где были только мы с Чэн Ди. Только мы двое, и всё, что нас связывало — любовь, мучения, ненависть, — принадлежало лишь нам одним...

Но время толкает меня вперед, приближая к той крепости, в которую, кажется, стремятся все люди.

— Ниннин, с работой у тебя всё уладилось? — спросила мама во время ужина.

Я улыбнулась:

— Почти. Уже освоилась в новом классе.

Мама повернулась к Сы Мину:

— А ты, Сы Мин? Как успехи с поиском?

— Скоро всё решим.

— Чем быстрее, тем лучше. Мы с твоим дядей, бабушкой, да и твои родители тоже — все мы хотим, чтобы вы поскорее сыграли свадьбу...

Я подавилась фрикаделькой и закашлялась. Сы Мин потянулся ко мне и похлопал по спине:

— Ну как же ты так неосторожна!

Наконец проглотив кусок, я выдавила улыбку:

— Мамины фрикадельки слишком вкусные, вот и поторопилась...

Свадьба, свадьба... В последнее время это слово звучит всё чаще. Новые коллеги женятся, двоюродные братья со стороны бабушки тоже... Теперь и я должна выйти замуж.

— Свадьба — это хорошо, но лучше сначала решить вопрос с квартирой, — подал голос отец.

— Дядя, об этом не стоит беспокоиться. У нас с Ниннин на сбережениях около двухсот тысяч, если еще мои родители помогут, глядишь, на первый взнос за трехкомнатную квартиру хватит.

Мы с Сы Мином уже обсуждали жилье. У меня за три года накопилось около семидесяти тысяч, у него — сто двадцать. Если его родители добавят, мы сможем купить трехкомнатную квартиру, чтобы, когда семьи будут собираться вместе, всем хватило места.

Отец кивнул:

— Что ж, если понадобится, мы с тетей тоже можем помочь. В конце концов, Ниннин у нас единственная дочь.

Хотя он так сказал, я вовсе не хотела тратить их многолетние сбережения. Отец — простой электрик, мама работает консультантом в супермаркете, зарплаты у них самые обычные. Мы до сих пор живем в доме, построенном больше десяти лет назад, в двухкомнатной квартире, где Сы Мину даже приходится спать на диване. Я знаю, как сильно они меня любят, и именно поэтому выбрала их, но я не хочу больше пользоваться их деньгами. Я уже взрослая, пришло время мне заботиться о них, поэтому я специально договорилась об этом с Сы Мином.

Но мама, словно прочитав мои мысли, добавила:

— Ниннин, не переживай. Нам с отцом и бабушкой много не нужно, мы всё копили для тебя. Посмотри, как растут цены на жилье, мы тоже внесем свою лепту, лишь бы вы поскорее купили квартиру!

Я жевала, опустив голову, а глаза уже начало щипать от слез...

Родительское сердце... Я в очередной раз убедилась, что мой выбор верен, иначе сейчас меня бы захлестнуло чувство вины.

Иногда я думаю: как было бы хорошо, если бы наши отношения с родителями не сложились. Тогда, возможно, я выросла бы бунтаркой, жила бы напролом, думая только о любви и плюя на родственные связи. Но в реальности мы очень близки, они делают всё, что в их силах, не балуя меня чрезмерно, и благодаря этому я выросла счастливым и открытым человеком, почти не зная разочарований. Полная, теплая семья — мое безусловное преимущество перед Чэн Ди, но в то же время и самое уязвимое место, ведь я не могу их разочаровать, не могу причинить им боль...

Я взяла тарелку и вышла на балкон, глядя, как внизу медленно течет река. Эту воду нельзя повернуть вспять, как и мою жизнь...

— Ниннин, ты чего здесь стоишь? — подошел Сы Мин. — Кажется, ты не в духе?

— С чего ты взял? — Я знала, что лгу, и знала, что он это понимает, но перед семьей я была вынуждена притворяться.

— Ну же, пойдем обратно. Бабушка оставила тебе куриную ножку, не разрешает мне её съесть.
— Он нарочито надул губы, изображая обиду, и я невольно рассмеялась, возвращаясь с ним в гостиную.

Стоило нам сесть, как бабушка положила мне в тарелку куриную ножку:

— Ниннин, ешь больше мяса, что-то ты совсем исхудала. И не вздумай подражать тем, кто сидит на диетах из телевизора...

Глядя на добрую бабушку, я постаралась улыбнуться как можно ярче:

— Никаких диет, бабуль, твоей внучке это не нужно.

После ужина мы помыли посуду, и Сы Мин остался болтать с родителями. Стоило ему прийти, как я тут же уступила ему место рядом с ними. Он обсуждал с отцом новости и футбольные матчи, с мамой — акции и продажи, а я сидела с бабушкой, слушая рассказы о недавней свадьбе двоюродного брата.

В девять часов я пошла провожать Сы Мина. Мы спустились вниз и пошли вдоль дороги к автобусной остановке.

— Ниннин, я начал присматривать квартиры, ты тоже поглядывай. Мои родители, твои родители и бабушка — все ждут нашей свадьбы, да и я сам хочу поскорее назвать тебя своей женой, так что нужно поскорее определиться с жильем!

Мы остановились под фонарем, и он внезапно заключил меня в объятия.

— Где же твоя невеста? Только вот замуж за тебя я не хочу... — полушутя сказала я, упираясь спиной в фонарный столб, отступить было некуда.

— Как это где? Ты и есть моя невеста. Не хочешь? Не выйдет. Если сбежишь, я тебя украду и сделаю своей атаманшей...

Он становился всё ближе, и в свете фонаря его тонкие черты лица казались особенно красивыми.

— Ха-ха, атаманшей? А я сама хотела стать предводительницей разбойников и украсть себе атаманшу...

Он был удивлен:

— Никогда бы не подумал, что у нашей Ниннин такие увлечения...

— Теперь знаешь...

Он хитро улыбнулся и потянулся к моим губам, но я инстинктивно отвернулась. Его губы скользнули в миллиметре от моего лица, я почувствовала их дыхание.

Я не смотрела на него, потому что знала: в его глазах затаилась боль. Такое случилось не впервые — еще в начале отношений, а потом повторялось снова и снова.

— Ниннин... — хрипло позвал он. — Я думал, между нами такого больше не будет...

Я повернулась:

— Прости. Просто... настроение не очень.

— Ты была чем-то расстроена еще за ужином. Что случилось? Расскажи мне, мы решим это вместе.

Вместе решим? Невозможно.

— Да ничего особенного. Просто на работе давление сильное, сама понимаешь: второй класс, экзамены на носу, школа, родители, ученики — все смотрят на меня...

Уходить от ответа — вот чему я научилась за эти годы.

— Не переутомляйся. Если плохо на душе, скажи мне, поедem куда-нибудь развеемся...

— Куда еще ехать? Разве нам не нужно зарабатывать на квартиру?

Я взглянула вдаль:

— Автобус идет, если пропустим, придется снова ждать.

Я больше не отталкивала его, боясь ранить и без того чувствительного Сы Мина, но он, поняв мое состояние, разжал руки, и я выбралась из этого тесного пространства.

Он шел впереди, пиная камешки на дороге. Я знала, что он так делает, когда расстроен, всегда знала, но у меня не было порыва утешить его. Неужели я игнорирую его только потому, что он мужчина? Или я просто не люблю его настолько, чтобы быть способной на сострадание?

Следующие пять минут мы молча стояли на остановке. Рядом пара ворковала друг с другом — разительный контраст с нами...

Я смотрела на его профиль и думала: Сы Мин, ты ведь всегда всё знал, верно? Знал, что в моем сердце кто-то есть, знал, что я даю тебе слишком мало. Почему же ты снова и снова прощаешь мне эту невольную, но такую жестокую боль? Если бы ты не был таким нежным и заботливым, я могла бы уйти без капли сожаления...

Между нами всё перевернуто: я веду себя холодно и отстраненно, как мужчина, а он стал нежным и внимательным, как женщина. Какая ирония.

Подошел автобус. Он повернулся ко мне:

— Ниннин, иди домой, я напишу, как доберусь.

Такой нежный тон, такой бархатный голос... Почему ты остаешься таким даже после того, как я причиняю тебе боль?

Его простая фраза пронзила мое сердце, как стрела. Было очень, очень больно...

Он уже хотел повернуться к автобусу, но я притянула его к себе и поцеловала в губы — в качестве компенсации за причинённую боль.

Он улыбнулся, как ребенок:

— Ниннин, ты такая хорошая... — Он обнял меня и зашел в автобус.

Боль, вина, компенсация... Боль, вина, компенсация... Когда же этот цикл закончится? Со стороны мы — идеальная пара, но я знаю, и он знает, что между нами пропасть. Он открыл мне свое сердце, а я приоткрыла лишь окно, будучи не в силах отдаться ему так беззаветно, как когда-то Чэн Ди.

Я не хочу стирать его вещи, не могу с теплотой взять его под руку, не могу лнуть к нему, как маленькая, не могу капризничать и играть в ребенка, не могу целовать его естественно...

Неужели всю свою страсть и пыл я отдала Чэн Ди? А для остальных остались лишь родственные чувства и дружба...

К Сы Мину я испытываю смесь дружбы и родственной привязанности. Есть симпатия, желание утешить, нежность, привязанность, но нет страсти, нет огня, нет любви...

Как же печально, что любовь превращается в родство еще до того, как успевает по-настоящему расцвести, и теперь придется провести всю жизнь с этим человеком, храня в сердце другого.

И как же мне повезло, что есть человек, который, зная, что я люблю его недостаточно, всё равно готов отдавать всего себя и строить со мной семью.

Я запуталась. Небеса ко мне несправедливы или, наоборот, слишком добры? Если добры, то почему не позволили мне быть с Чэн Ди? А если несправедливы, то почему после разбитого сердца рядом есть такой хороший человек, который не дает мне остаться в одиночестве?

Я сидела на скамейке, мучительно размышляя.

Забыть Чэн Ди, забыть... А если не смогу забыть, то запереть её, заключить в самые глубокие тайники души и никогда не выпускать. Иначе я причиню боль тем, кто мне дорог: Сы Мину, родителям, бабушке, дедушкам, родителям Сы Мина и другим близким...

Нельзя их ранить. Нельзя быть такой эгоисткой. В жизни есть не только любовь, но и долг...

Прости, Чэн Ди. Прости. Прошу, пойми меня. Я знаю, ты слышишь, ты когда-то так хорошо меня понимала...

Помнишь, ты спросила, что важнее: родственные чувства, дружба или любовь? Я ответила, что родственные чувства. Ты посмотрела на меня без единой эмоции, а потом несколько дней молчала и даже опрокинула сок, который я тебе подала. Один мой ответ так глубоко ранил тебя. Сейчас я для тебя, должно быть, хуже палача, медленно, нож за ножом, терзающего твое сердце...

Но я ничего не могу поделать. Я должна набраться решимости, отказаться от тебя, причинить боль тебе — а вместе с тем и себе, медленно, нож за ножом, терзая собственную душу...

Я сидела, опустив голову, и слезы капля за каплей падали вниз, тоня в океане печали.

Вдруг подбежала маленькая девочка лет пяти-шести и звонко спросила:

— Сестренка, что с тобой? — И протянула мне салфетку.

Я взяла её и, вытирая слезы, ответила:

— Всё хорошо, просто я... потеряла своё сердце.

— Как же можно потерять сердце? Его можно найти?

Как же можно потерять сердце? Его можно найти? Какой хороший вопрос, но я не знаю ответа.

— Сестренка, ты поищи его, без сердца будет очень больно, — девочка захлопала длинными ресницами, и её косички смешно подпрыгнули.

— Хорошо, я постараюсь.

— Угу! — Она верила в меня больше, чем я сама.

— Сяо Ин, зачем ты так бежишь? Упадешь ведь! — подошла мама девочки.

— Она такая милая и добрая, вы очень счастливая женщина...

Мама девочки замерла от моих неожиданных слов, а потом улыбнулась:

— Ха-ха, да, все дети такие. У тебя самой тоже будут такие же детки.

Я кивнула, попрощалась с ними и медленно побрела домой.

Да. Я куплю с Сы Мином квартиру, мы поженимся, у нас будут дети. Маленький ребенок, наш с Сы Мином ребенок, который будет расти под солнцем. Мы вырастим его, будем смотреть, как он работает, женится, как у него появляются свои дети — наши внуки... Мы с Сы Мином будем вместе стареть, день за днем, а потом уйдем, исчезнем в этом пространстве и времени, отправимся туда, где царит покой...

Жизненный путь, который кажется безупречным, путь, по которому идут все, путь, которым должна идти я, правильный путь...

<http://bllate.org/book/20983/2130422>